

Собеседник

Семенов Вадим Сергеевич

Ведущий

Шарова Вероника Леонтьевна

Дата записи

Беседа записана 11 июня 2013 и опубликована 12 марта 2014.

Введение

Как и многие люди, чье взросление пришлось на годы войны, Вадим Сергеевич вспоминает о начале размышлений над ключевыми социальными проблемами именно в контексте военного времени. Чтение классиков марксизма определило для него выбор пути — закончив факультет международных отношений, будущий ученый в 1955 году устроился на работу в Институт философии РАН, с которым связана вся жизнь Вадима Сергеевича.

Вероника Леонтьевна Шарова: Добрый день, Вадим Сергеевич. Первое, о чем хотелось бы поговорить, — если исходить из предположения, что первым социальным институтом человека является семья — то расскажите немного о своей семье. Кем были ваши родители, чем они занимались?

Вадим Сергеевич Семенов: Мама у меня всю жизнь работала руководителем детских учреждений — был так называемый ДХС (дом художественной самодеятельности), размещен он был там, где уголок Дурова. Получилось так, что в школе, по-моему, в четвертом классе, я там стал заниматься. Я был худой, подтянутый и занимался в танцевальном кружке. Наш ансамбль решили использовать в фильме, который ставил Александров, — «Волга-Волга», если не ошибаюсь, это был 1936 год: там, где Орлова доказывает, что кругом есть таланты. Это все было в павильоне «Мосфильма» — там был построен фасад детского дома, мы выбегали из этого детского дома и под фонограмму танцевали, а в это время играла песня «Елочка, елочка, зеленая иголочка». Я помню, все мы там крутились, а в это время актер Игорь Ильинский прятался под этой елкой, а мы около него останавливались и говорили «здравствуйте». Потом мы выступали с этим танцем в Колонном зале и других местах, а потом у меня проснулся талант рисования, и в том же ДХС, где мама была директором, я поступил в кружок рисования. У меня сохранились даже некоторые картины, которые я нарисовал. Конечно, у меня особого таланта не было, и на этом кончилась моя самодеятельная жизнь, и началась война.

Эвакуация

В.Ш.: Расскажите, как сложилась судьба вашей семьи во время Великой Отечественной войны.

В.С.: Я рожден 1 января 1927 года, а сестра Ирина — 1 апреля 1941 года, и поскольку началась война, мы поехали в эвакуацию, проехали несколько городов. Сначала доехали до Тамбова, а потом решили, что, может быть, Тамбов будет занят немцами. Помню, в товарных вагонах доехали до города Энгельса, там в этих вагонах несколько дней прожили, и дальше нас довели в город Оренбург, а потом в город Куйбышев. Именно в эти годы я уже видел сложные социальные проблемы, прежде всего голод. Мы тогда втроем были — я, мама и Ирина, потому что отец был замминистра связи, он был все время в Москве, то есть мы бедствовали. По талонам давали похлебку, может, несколько кусочков огурца, никакого мяса, и мы голодали. Видя все эти проблемы, у меня возникла тяга к социальным проблемам, и, думая, как бы разобраться в этом, я уже тогда в школе — это шестой-седьмой классы — в городе Чкалове, ныне Оренбург, потом в Куйбышеве, начал заниматься проблемами философии. Читал работы Маркса, Энгельса, Ленина и философию Руссо, Фейербаха — это именно те философы, которые занимались больше социальными проблемами. Я по профессии социальный философ, у меня три основные темы научных исследований: философия, социология и политология, и мне приходилось бывать на всемирных конгрессах всех этих трех специальностей. Так вот, мы вернулись из эвакуации в 1943 году, наш дом, хотя он был деревянный, остался цел. Я еще хочу добавить, когда мы жили под Куйбышевым, я, мама и Ирина, мне, чтобы как-то помочь семье, приходилось работать на строительстве аэродрома. Там выпускали самолеты Ил и строили новые полосы аэродрома, вот я туда ходил, работал несколько месяцев, а уже в 1943 году мы вернулись в Москву. Несколько месяцев я поработал на строительстве аэродрома, вернее полос аэродрома, что все это направило меня именно к социально-бытовым человеческим проблемам. В 1944 году, так как в армию меня не брали, я решил дальше заниматься философскими проблемами, точнее социально-философскими, и поступить на философский факультет.

В.Ш.: Как начиналась ваша студенческая жизнь?

Петр Николаевич Федосеев

поступление в мгимо

В.С.: Я старался учиться хорошо в школе и окончил на отлично все десять классов, плюс изучал английский язык. Пришел в МГУ поступать на философский факультет, а мне говорят: открывается новый факультет международных отношений. Деканом был Иван Дмитриевич Удальцов, за ним пришел мой следующий учитель по МГИМО — Юрий Павлович Францов, известный философ, эрудит, прекраснейший человек, который был заместителем главного редактора «Правды», а у нас он был заведующим сектором исторического материализма. Поступая на философский факультет, я выбрал для себя кафедру международных отношений, чему очень рад, потому что он дал блестящее знание английского языка. У нас группы были небольшие, поэтому я свободно говорю по-английски, что дало мне возможность ездить на философские, социологические и политологические конгрессы. Поскольку в Институте философии никто особенно языков не знал, мне приходилось на этих конгрессах выступать и в качестве переводчика. Знание английского языка было для меня преимуществом, которое мне дал МГИМО, который я закончил в 1949 году. После этого я сразу хотел поступить в Институт философии, но не получилось, а поступил я в него в 1955 году. Вот с 1955 года я работник Института философии с перерывами, потому что кроме этого я работал в других местах, был главным редактором журнала «Вопросы философии» с 1977-го по 1987 год. Потом Петра Федосеева, который был директором Института философии, назначили директором Института марксизма-ленинизма, и он там создал новый отдел, отдел научного коммунизма, и этот Институт марксизма-ленинизма, он стал не только заниматься переводом произведений Маркса, Энгельса и Ленина, но занимался проблематикой политологии. Он меня пригласил, и я там был несколько лет руководителем отдела научного коммунизма. Поэтому у меня три специальности: философия, социология и политология, но общее направление — это социальная философия.

о советском времени и отличительных чертах русского народа

В.Ш.: Мы еще обязательно вернемся к работе в Институте философии, это действительно очень важный, очень значимый период, но немного вернемся назад. Вы росли в очень интересное, знаковое время для нашей страны. Расскажите, какие культурные события окружали вас в то время. Какие фильмы, музыка сформировали ваше детство и юношество?

В.С.: Сейчас я люблю смотреть передачи по каналу «Культура», и там правильно говорят, что советские

годы были прекрасные годы — то есть, конечно, после 1953-го, после смерти Сталина. Сталин установил тоталитарный режим, он был диктатор, я не оправдываю его, в отличие от многих, ведь сейчас есть целый ряд людей, которые его превозносят. Он был тоталитарный диктатор, но он понимал, что для людей нужна культура, нужно образование, и оно было бесплатным, причем бесплатно было и школьное образование, и высшее; мало того, платили стипендию. Плюс он понимал, что людям нужна культура, и поэтому после 1953-го, годы 1960-е — 1970-е, когда я работал в Институте философии, это было время свободного мышления, оно и сейчас полностью свободное. Тогда, конечно, были ограничения, и у меня был целый ряд проблем. Я, скажем, был главным редактором журнала «Вопросы философии» с 1977-го по 1987 год и, скажем, в нем шла статья Петра Капицы, он там критиковал историческую науку. Была цензура в те годы: мне говорили — не надо, чтобы так резко критиковалась историческая наука. А Петр Капица писал, что эта наука конъюнктурна, что она фактически подделывается. И я приезжал к Капице в его особняк на Ленинских горах и уговаривал его статью смягчить. А он говорил: пусть ко мне Квасов, который курировал ответвление науки в журнале «Вопросы философии», у которого претензии, что я критикую историческую науку, пусть он ко мне приезжает, — а тот боялся и не приезжал... В целом хочу сказать, что после смерти Сталина, конечно, было чувство творчества, свободы, культуры. Вообще Россия создала духовность... В чем первая отличительная черта русского народа? Духовность — раз, коллективизм, или, как любят иногда говорить, соборность — два. То есть духовное ставится выше, не деньги, а именно духовность, а второе — совместность. Везде, где я был, особенно в США, это полный индивидуализм. Вот к примеру, мой друг Юрий Александрович Замошкин, с кем мы издали книгу «Критика индивидуализма в США», а когда стали налаживать отношения с США, он вдруг решил извиниться по проблеме индивидуализма США: стал говорить, что я, мол, ошибся, там очень много положительного и так далее. А я считаю, самая близкая нам страна — это Франция, по духу, по общению, по культуре, самая близкая. Потом Испания, Португалия, Италия и многие страны Латинской Америки.

О своих учителях

В.Ш.: А был ли у вас в детстве герой, на которого хотелось бы равняться? Может, какая-то историческая личность или кто-то из видных современников, кто-то, с кем вы себя сравнивали?

В.С.: В разные годы на меня влиял целый ряд людей. Иногда очень резко многие нынешние ученые относятся к Петру Николаевичу Федосееву, он был директором Института философии. Поскольку он всегда был членом ЦК, конечно, эта принадлежность к ЦК придает определенную сухость, но он был директором Института философии и всегда меня поддерживал. Федосеев на меня повлиял, хотя он и был человек сухой, но порядочный, сам работал, сам писал, это первая фигура, которого я считаю одним из своих учителей, который говорил, что надо самому все делать. Помню, сколько у нас с ним было споров, сколько я заблуждался по теоретическим вопросам, к нему приходил, спорил, но с ним всегда можно было свободно поговорить. Вторая огромная личность, которая на меня повлияла — это Юрий Павлович Францов, ректор МГИМО, где я учился, человек огромной эрудиции, знавший свободно французский язык. Францов был человек широкой культуры, его все мы любили и называли «папа Юра». Он был директором Института международных отношений, а потом он был ректором Академии общественных наук, заведующим сектором исторического материализма в ИФ РАН, где я работал. Потом был заместителем главного редактора «Правды», получилось так, что он стал заместителем Федосеева. И вот был такой Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, директором был Петр Николаевич Федосеев, а заместителем был Юрий Павлович Францов. Это разные люди по характеру, но они каждый дали мне очень много, особенно Францов. Потом всю жизнь мне пришлось работать с таким мудрейшим человеком, прекраснейшим человеком, как Бонифатий Михайлович Кедров, он же основатель журнала «Вопросы философии». И он всю жизнь до смерти был членом редколлегии, а это был диалектик, который написал массу книг о естествознании, которое развивали Маркс и Энгельс. Особенно много он написал о ленинской диалектике. Он столько дал своей смелостью, веселостью, он был потрясающий человек. И он был целиком ученый, не связанный никак, как Федосеев, который всю жизнь был членом ЦК, тот же Францов был членом ревизионной комиссии, то есть они были связаны по партийной линии, а он

был свободен. Мало этого, когда развенчивали культ Сталина, именно Кедров сказал, уже при властвовании Хрущева, что у вас у всех руки в крови. Поскольку его отец был революционер, только это его спасло. Вот такой был Бонифатий Михайлович Кедров, это тоже личность, которая на меня повлияла. Он был смелый человек, а главное, без перерыва работающий. Следующая личность, которая для меня много значит, — это Павел Васильевич Капнин, который стал нашим директором института, умнейший человек, огромной незаурядности, издавший много книг, я бы назвал его как одного из тех, кто был моим учителем. И, скажем, следующий после меня главный редактор «Вопросов философии» Владислав Александрович Лекторский, чудеснейший человек. Это мои ближайшие друзья, как и Салам Керимович Гусейнов. Они многое мне дали в том смысле, как надо отдавать себя науке, каким надо быть порядочным, чтобы никому не делать зла. Такие люди, как Гусейнов или Лекторский — это пример огромной человечности. Владислав Семенович Степин, конечно, очень много дал и поддерживал. Все они являются моими учителями по науке и по порядочности, по человечности.

Павел Васильевич Капнин

В.Ш.: Вы очень интересно рассказали о своих современниках, а если обратиться к истории философии, кто из философов прошлого вам наиболее близок, чьим, может быть, последователем вы себя считаете, к какой школе можете себя отнести, если такие есть?

В.С.: На меня больше всего, поскольку я занимался проблемами социальной жизни, конечно, помимо Маркса, Энгельса и Ленина — это крупнейшие философы, — дальше на меня огромное впечатление оказало изучение Фейербаха, Руссо. Я читал все направления — и Бэкона, и Гоббса, но их меньше. Те, которые занимались проблемами социальности, социальной справедливости, которые давали свои ответы, у которых были решения проблем общества и человека, и взаимосвязанности общества и человека, они на меня больше всего произвели впечатление. Я изучал всех классиков, и Макиавелли, это уже в другом плане, в плане использования политики для власти. Но меня больше интересовала человечность, как выйти на справедливость жизни человеческой, то есть те философы, которые давали ответы на эти вопросы.

об институте философии

В.Ш.: Возвращаясь к сюжету вашей работы в Институте философии. Вы пришли в наш институт в 1950-е годы, и действительно уже долго там работаете. Расскажите, как менялась работа в институте, как менялся

сам институт, как он эволюционировал, что было тогда и что есть сейчас, полвека спустя.

В.С.: Институт меняется постоянно, потому что в основе нашей работы лежит творчество, оно может быть более удачным, менее удачным, но люди, которые там работали и окружали меня, все они очень много давали именно по линии творчества. Я назвал уже Кедрова, Капнина, вся редколлегия, Лекторский, который всегда был членом редколлегии, потом стал главным редактором журнала «Вопросы философии»... У меня книга «Судьбы философии в сегодняшней России», и тех, о ком я там пишу, я могу наизусть вспомнить. Они у меня идут в таком порядке: Степин Владислав Семенович, который является главой секции философии права, дальше идет Гусейнов Салам Керимович, дальше идет Александр Зиновьев, мы были с ним друзьями всю жизнь. Вот такие были люди, для которых главное было творчество, именно свобода творчества, свобода мысли. Еще назову: Митрохин — блестящий академик, руководитель и секции, и отдела, в котором я работал, который говорил: надо жить культурно, — он занимался сам религией, Лев Николаевич Митрохин, к сожалению, он рано ушел. Был руководителем нашего сектора и заодно отдела. Он оставил очень большой след, это был мой непосредственный учитель. После него идет Валентин Иванович Толстых, который создал серию изданий, под его руководством двадцать лет работал клуб, где обсуждались в свободной дискуссии все вопросы о свободе; каждый год издавалась книга, почти во всех я участвовал. Еще Вадим Межуев. Если избирать кого академиком, то я выше всех поставил бы Межуева, по его творчеству прежде всего. Он занимается культурой, основывается на работах Маркса, Ленина, уважительно к ним относится, а сам он внес еще больше в разработку проблемы культуры. Их всех надо было прежде всего избирать академиками, а их не избирали, потому что они были умницами. Действительно, многие определяли и определяют мою судьбу.

В.Ш.: Вы совершенно правы, институт постоянно развивается, постоянно меняется. Какой период в его работе, в его деятельности вы могли бы назвать самым плодотворным?

В.С.: Я считаю, что наиболее плодотворный период — 1960-е — 1970-е годы. Это, во-первых, послесталинские годы, как раз пришлось вырваться из оков сталинского контроля, и пошла серия книг, серия работ, которая определяла наиболее плодотворные разработки в науке. Я считаю именно 1960-е — 1970-е годы, поскольку, когда начались 1980-е годы, с Горбачевым, это повлияло отрицательным образом. У меня есть статья, которую я опубликовал к пятидесятилетию Института философии, «Уроки философского развития». Было и пятидесятилетие журнала «Вопросы философии», и я там выступил очень резко, это был 1994 год. Я сказал, что, к сожалению, в журнале «Вопросы философии» наблюдается преклонение перед США и так далее, наблюдается поворот к восхвалению западной философии.

” Я считаю, что выше русской философии и советской философии и постсоветской до нынешнего периода нет. Конечно, там есть великие ученые, я лично с ними знаком, но выше по мысли и по творческому вкладу советской и постсоветской философии не было и нет, это моя точка зрения.

К сожалению, эту мою статью в журнале не решились полностью опубликовать, опубликовали с купюрами. Еще тогда был журнал «Диалог», я там полностью опубликовал, и она помещена в моей книге полностью.

В.Ш.: А какое у вас осталось впечатление от общения с зарубежным философским сообществом, какие проблемы там поднимались, отличные ли от тех, которые рассматривали наши философы, насколько там авторитетна была русская, советская философия?

В.С.: Я хочу сказать, что, конечно, западная философия, в широчайшем смысле — это умнейшая философия, потому что все философы творят, и нельзя говорить, что мы творим, а они нет... Скажем, наша Нелли Мотрошилова издает постоянно новые книги по истории западной философии, и она показывает

огромный вклад, о котором и говорить даже не надо. Западная философия через своих великих ученых продвигает философскую мысль на каждом этапе, она не стоит на месте, нельзя сказать, что они где-то застряли. Мало этого, они очень смелые, я привожу в своей книге многие идеи Карнапа, поэтому хочу сказать, что западная философия движется все время вперед, появляются новые имена.

В.Ш.: Вы были и остаетесь социальным философом, но в рамках этого направления как менялся вектор вашего научного исследования и какие основные достижения вы могли бы назвать? Что вы считаете самым значительным в своей научной карьере?

В.С.: Своим главным достижением я считаю всю мою философскую жизнь, потому что тут нельзя отделять один период от другого. Ясно, были и неудачные статьи — например, когда я был главным редактором журнала «Вопросы философии» с 1977-го по 1987 год, была концепция развитого социализма, которая была идеологической концепцией, концепция, которую навязала партия. Мне приходилось писать целый ряд статей о развитом социализме, а самое интересно то, что название «развитой социализм» дали в Чехословакии. Тогда в Чехословакии сказали, что у нас уже не просто социализм, а он уже перешел на другую качественную ступень, более высокую, и они дали название «развитой социализм». Мне приходилось писать, и я в это искренне верил, что было моей ошибкой. Я думал, что у нас уже социализм не такой недоразвитый, как был до этого, а в 1970-е — 1980-е годы даже в Чехословакии считали, что они перешли на стадию развитого социализма. Я публиковал статьи с названиями: «такие-то проблемы развитого социализма», что, конечно, было преувеличением. Возьмите, например, Китай — они же не говорят, что у них развитой социализм, а Китай сейчас — это великая держава по цивилизации, по науке, по производству, главная фабрика мира. США уже признают, что фабрикой мира стал Китай, и даже там сейчас не говорят о развитом социализме, а говорят о социализме средней развитости, и что еще потребуется целый ряд лет при всех их достижениях, чтобы потом назвать себя развитым социализмом.

В.Ш.: Ну и буквально пару, тройку вопросов в завершение нашего интервью касательно сегодняшней ситуации. Что значит быть философом сегодня, помимо того, что это основная сфера вашей деятельности, что такое философия для вас?

Вадим Михайлович Межуев

В.С.: Философия — это образ жизни, которая заключается в постоянном мышлении. Мышление состоит из двух сторон. Первое — это постоянное получение знаний, скажем, у меня есть любимые программы, особенно по каналу «Культура». Я выбираю определенные передачи, которые мне интересны, и там постоянно идут интереснейшие серии, во-первых, о людях, творцах и мыслителях, ведь творец не может быть не мыслителем. Прямо скажу: радио я не слушаю, но выписываю газеты и журнал «Альтернативы», и всем советую выписывать и читать, потому что это постоянно бьющая творческая мысль. Также выписываю журнал «Философия и общество», который издает Иван Аршакович Гобозов, это умнейший журнал. Выписываю газету «Завтра» Проханова, с ним можно соглашаться, можно не соглашаться, но это газета насыщенная, и в ней всегда можно найти какой-то толчок для мышления. Философия — это постоянное получение знания, обогащение знанием. Отсюда, во-вторых, изменение позиции, и моя позиция тоже меняется, я надеюсь, в лучшую сторону. Я отбрасываю вещи, в которых я был не прав, а я был не прав очень во многом, особенно в статьях по развитому социализму. Первое — это развитие своих знаний, а второе — она входит во всю жизнь, то есть философски надо оценивать все происходящие события. Я богатый человек тем, что у меня есть моя семья: главный мой помощник, друг Светлана Сергеевна Семенова, две дочери, внуки... Это богатство, которое насыщает тебя своей жизнью. Аннинский правильно написал, что человек не может не быть философом, учиться философии нужно и у природы. Возьмите лес, поле, русское поле, море, их ритм, то, что они все время работают, действуют, живут, умирают, расцветают в свои периоды, все изменяется — это есть философия, диалектика. Философия — это постоянная диалектика жизни в природе и в данном случае в семье, которые живут, растут и меня

обогащают. Каждый русский человек — он в душе своей философ. У меня есть книга «Судьбы философии в сегодняшней России», и ее главный вопрос обращен к самой современной русской философии. Как она выполняет исконную мысль прогрессивной русской философии и кому она предназначена? Второй вопрос, это вопрос к нынешней российской власти, нужна ли ей самостоятельная философская наука. Третий вопрос — это вопросы современной массовой русской, российской интеллигенции к русскому, российскому народу: нуждается ли она ныне в мировоззренческой научной философии для самой себя, для своей жизни и действий, и нуждается ли народ в этом? Я пишу, что дать ответы на эти важнейшие вопросы и составляет смысл книги. Я считаю, что философия присуща всем, раз человек мыслит, он всегда делает какие-то философские обобщения, и на этом она выросла с самых древних, начиная, наверно, с китайских времен и до нынешних дней. Каждый человек философ, потому что он не может не мыслить, не делать для себя выводов, а именно двигаться диалектически.

Философия — это жизнь, а жизнь постоянна, поскольку человек живет, он живет в рамках обновляющейся своей философской концепции.

В.С.: Как бы вы оценили роль не только философии, но и науки в целом сегодня, какие актуальные проблемы российской жизни социальной, политической, культурной наука могла бы решить, нуждается ли она в принципе в реформировании?

В.С.: Я слежу за этим. Вот недавно избрали Фортова новым президентом РАН, он, правда, мне не симпатичен, но за него проголосовали 750 человек, а против 440, то есть это мнение академиков и член-корргов. Сообщество научное разделено... Конечно, тот же Жорес Иванович Алферов, наш лауреат Нобелевской премии — человек большой науки. Но наука наша развивается, и считается, и я это поддерживаю, что наиболее, помимо физики, будет выходить биологическая наука. Настоящая философия, она и материалистична, и идеалистична. Философия — это жизнь в гармонии материального и идейного, а сейчас я сказал бы, что чтобы быть человеком, нужно быть больше идеалистом. Маркс говорил: «все человеческое мне не чуждо». Человек многообразен своей жизнью, и это прекрасно, он таким и должен быть, и философия едина в материальном и идеальном, а сейчас она больше всего — и жизнь человека прежде всего — должна быть идеальна, особенно сейчас. Я пишу книгу и так ее и назвал «Жизнь и философия». Надеюсь, у меня хватит сил ее закончить. Надо просто жить разнообразно, радоваться, это богатство, счастье, которое дается человеку один раз, как Островский говорил, надо разнообразно, интересно, с изгибами, но не с извращениями ее прожить, потому что жизнь прекрасна, и надо достойно ее прожить.

В.Ш.: Предпоследний вопрос нашего интервью. Философия в России меняется, приходят новые имена, новые философы появляются, на ваш взгляд, каковы перспективы развития философского знания в России? Перспективы и, может, те препятствия, которые придется преодолевать на этом пути.

В.С.: Я думаю, сейчас наступает хороший поворот. Я стараюсь общаться со многими людьми, кто преподает, и они согласны в том, что у молодежи усиливается интерес к просвещению вообще, к культуре как содержанию просвещения, к науке в широком смысле и к философии. Сейчас молодежь будет больше полагаться на то, что власть не научна, нынешняя власть я имею в виду, а вот в Китае она научна, потому что они партийно ставят задачу, себя ругают, сами себя критикуют — я считаю, что это блестящий научный подход. А у нас именно на молодежь стоит полагаться, складывается поворот именно к просвещению, культуре, науке и философии. Я считаю, что перспективы очень хорошие.

В.Ш.: И заключительный вопрос, глобального плана. Не могли бы вы дать прогноз относительно развития и нашей страны, и, может быть, мира в целом на ближайшее десятилетие? Какие здесь тенденции, основные глобальные проблемы, которые нас ждут?

В.С.: Прогноз я не могу давать пессимистический. Работает человечество, работают народы, все они хотят одного: благополучия, счастья, которое понимается по-разному, но прежде всего как человеческое

счастье, как счастье народов, чтобы им было хорошо. А хорошо — это очень простые вещи: это благоустроенный быт, благоустроенная семья, это наличие работы, которая не всегда есть, возможность творчества, которое не всегда дается, возможность человеческого общения, что потрясающее богатство, причем общение и отдельного человека с отдельным человеком, и общение народа с народами. У нас — имею в виду бывший СССР — к сожалению, разъединены народы, причем часто это делали даже ныне живущие руководители своих республик под лозунгами самыми отрицательными — это национализм вопреки интернационализму и сепаратизм вопреки общности. Некоторым руководителям нравится это самоотделение, потому что отделением можно возвеличиться, как будто ты там бог, и они стараются, чтобы их так и превозносили, как богов. Но я считаю, что перспективы только прогрессивные, как главнейшее желание отдельного человека, семей, всех народов, от этого никуда не уйти. Человечество должно учиться друг у друга, очень хорошо в этом плане развиваются латиноамериканские страны, в которых я много раз бывал по линии научных поездок. Это рассвет научной коллективистской мысли и творчества, движение вперед ради людей, народов. Я считаю, что человечество движется к новому большому прогрессу, который будут делать отдельные люди, семьи и народы. Прежде всего имею в виду страны Европы, Северной Европы, больше всего делают Швеция, Норвегия, Финляндия, а также наиболее в этом прогрессивные страны, Латинская Америка, Китай, Индия и ЮАР. Философия имеет в этом плане огромное будущее, просто какое именно трудно предугадать.

В.Ш.: Спасибо за содержательную беседу, по-моему широчайший круг вопросов мы с вами осветили. Благодарю, что уделили нам свое время.